Гном Хербе и Леший

Автор:
Отфрид Пройслер

Гном Хербе и Леший

Отфрид Пройслер

Книги – мои друзья

Отфрид Пройслер – известный немецкий детский писатель, обладатель государственных наград и многочисленных литературных премий. Эта книга Отфрида Пройслера о гноме Хербе.

Для младшего школьного возраста.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Отфрид Пройслер

Гном Хёрбе и Леший

Otfried Preu?ler H?rbe und sein Freund Zwottel

© 1983 by Thienemann Verlag (Thienemann Verlag GmbH), Stuttgart/Wien

© Иванова Э.И., перевод на русский язык, 2013

© Яхнин Л.Л., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Здесь я и живу

Итак, жили-были два таких друга, два таких друга, каких и на свете-то не бывает. А дружба их была давняя. Ещё позавчера гном Хёрбе и леший Цвоттель решили никогда в жизни не расставаться.

Вот и сейчас они сидели рядышком, окруженные Дитрихом Корешком, Кайлем Хромоножкой, Сеффом Ворчуном и трусишкой Лойбнером. На большом камне был разложен обед.

– Ничего нет вкуснее брусничного варенья! – приговаривал, облизываясь, леший Цвоттель.

После обеда все отправились по домам. На лужайке Дитрих Корешок и Кайль Хромоножка попрощались и пошли в свою сторону, а Сефф Ворчун с трусишкой Лойбнером, помахав рукой, свернули к своему дому. Хёрбе повёл своего лучшего друга лешего к зарослям клюквы.

– Вот здесь я и живу, Цвоттель, – сказал гном.

Леший огляделся по сторонам.

– Не морочь мне голову, – обиделся он. – Здесь только заросли клюквы, ещё какие-то кусты. Вроде папоротник. Вон камень. Ручеёк из-под него вытекает. И всё. Никакого дома нет.

– Гномы не такие простаки, чтобы строить дома у всех на виду! – рассмеялся Хёрбе. – Попробуй найти его сам.

– Это я мигом! – похвастал леший. – От меня ничего не спрячешь.

Постепенно стемнело. Последние лучи низкого солнца сквозили по стволам деревьев. Синие тени лежали на жёлтых дорожках. Леший Цвоттель раздвинул золотистые стебли папоротника и просунул между ними голову.

– Холодно! – закричал гном.

– А там? – Цвоттель показал рукой на заросли клюквы.

– Ещё холоднее!

Леший кинулся к орешнику.

– Уж здесь-то наверняка. Угу. Больше негде.

Хёрбе хохотал уже вовсю.

– Напрягись, Цвоттель. Не то совсем замёрзнешь!

Леший совсем сбился с ног. Он раздвигал кусты, протискивался в самые густые заросли, совал нос в мышиные норки. Всё напрасно!

– Слушай, гном, – рассердился он, – если бы я не был уверен, что ты мой лучший друг, сто раз плюнул бы на всё это дело.

И он снова принялся за поиски. Вдруг Хёрбе закричал:

– Горячо! Горячо! Смотри, не спали свой хвост, леший!

Цвоттель взъярился:

– За дурачка меня принимаешь, гном? Это же всего-навсего куча хвороста!

– Ты так считаешь? – хитро усмехнулся Хёрбе. – Гляди!

И он раздвинул ветки. Вот он, дом! Аккуратно сбитый из дощечек, а крыша крыта ветками.

– Ого, какой дом! – изумился Цвоттель. – А крыша-то, крыша! Золотая, как осенние листья!

Не знал ещё леший Цвоттель, что крыши гномьих домов, как и их шляпы, меняют цвет по временам года. Осенью они – золотые, зимой – белые, летом – зелёные, а весной – голубые. Не знал, не ведал этого Цвоттель. Но ничего, ему ещё много интересного предстоит узнать.

Добро пожаловать!

Никогда ещё Цвоттелю не приходилось бывать в доме. Да и дом-то он видел впервые в жизни. Осторожно, на цыпочках он вошёл следом за гномом. Затаив дыхание, обошёл всю комнату. Ну и ну! Вот странности!

– Добро пожаловать, друг леший! – гостеприимно развёл руками Хёрбе. – Будь как дома. Располагайся. У меня просторно – обоим места хватит. А я пока сварю кашу. Не возражаешь?

Как это Цвоттель мог возражать, когда он и в глаза никогда каши не видел! Да что каша! Здесь и без неё полно всяких непонятностей. Леший прислонился к двери и решил хорошенько осмотреться. Обо всех этих штуковинах, наставленных на полу и навешанных на стены, он и понятия не имел. Не знал он, что стол – это стол, стул – это стул, а шкаф – это шкаф. С любопытством оглядывал полку с глиняными горшками, окно, подоконник, кровать, хлебный ларь. А что это такое? Громадина. Полкомнаты занимает. В каменном брюхе у неё три железные двери. Справа большая, а слева две маленькие, одна над другой.

Хёрбе распахнул обе маленькие дверцы. В верхнюю сунул несколько поленьев. Вытащил из-под шляпы кремень и трут. Высек искру.

– Стой! – всполошился Цвоттель. – Вспомни про хворост над головой. Сейчас как полыхнёт!

– Не бойся, леший. Это я печку растапливаю, – объяснил гном и сунул тлеющий трут в нижнюю дверцу, под лежащие на решётке поленья. Потом надул щёки и стал раздувать огонь в печи. Вот уже и затрещали дрова.

– Слышишь, как весело потрескивает? – сказал Хёрбе.

Он подбросил ещё дровишек, потом закрыл верхнюю дверцу. А нижнюю оставил чуть приоткрытой.

– Запоминай, леший, – учил он Цвоттеля. – Нижняя дверца – это поддувало. Огню нужен воздух. Тогда он по-настоящему разгорится.

– И останется внутри, в этом белом ящике? – опасливо спросил Цвоттель.

– Куда же он денется? Разгорится, согреет печку. А печка – комнату. И плита раскалится. Тогда и кашу можно на ней сварить.

– А дым нам глаза не разъест?

– Дым через дымоход уйдёт на улицу. Отличную печку сложил Мёллер Печник.

– Мёллер? Печник?

– Ну да, печник. И каменщик. А ещё трубочист. Два раза в год он обходит все дома в Ближнем лесу и прочищает дымоходы. Весной и в начале зимы. Мёллер Печник – надежный работник, – сказал Хёрбе и принялся варить кашу.

Загогулина

Самая густая каша получается из муки буковых орешков.

Самая сладкая каша – на ежевичном сиропе.

Самая душистая – если её заправишь лепестками арники.

Самая жирная – от столовой ложки орехового масла.

И самая красивая каша получается, когда её украсишь веточкой сушёной мяты.

– Готово! Садись есть, леший.

Хёрбе достал с полки две тарелки, наполнил их горячей кашей и поставил на стол.

– Вот тебе ложка, леший.

Цвоттель обнюхал непонятную деревянную штуковину и подозрительно спросил:

– Для чего эта загогулина?

Хёрбе рассмеялся:

– Я же тебе сказал, Цвоттель, это ложка. Зачёрпывай ею кашу и отправляй в рот. Вот так, понятно?

– Ха! – воскликнул Цвоттель. – Нужна мне твоя загогулина! Да мой язык получше любой загогулины. Лешие не зачерпывают. Они вылизывают. Гляди!

Гном не успел и ахнуть, как леший Цвоттель сунул кончик языка в самую серёдку горячей каши.

– А-а-а! – завопил леший, хватаясь лапой за обожжённый язык.

Он просто ошалел от неожиданности.

Ни разу в жизни не пробовал он ничего вареного, а тем более горячей каши.

Гному стало его жалко.

– Попробуй все-таки ложкой, Цвоттель, – сказал он мягко. – Зачерпни для начала немного и подуй, чтобы каша остыла.

Цвоттель опасливо глядел на дымящуюся кашу.

Не лучше ли нарвать ягод? И сыт будешь, и язык не обожжёшь. Наконец он решился, копнул ложкой кашу и долго-долго дул на неё, разбрызгивая по столу. Потом осторожно сунул ложку в рот. И застыл, зажмурился.

– Ну как, Цвоттель? – нетерпеливо спросил Хёрбе.

Цвоттель сморщил нос, открыл один глаз, потом второй. Облизнулся.

– Да-аа, – сказал он, – вот, значит, что такое каша. Ничего. Сладкая. Если бы ещё не была такой горячей.

После третьей ложки леший вошёл во вкус. Он быстро опустошил тарелку. Орудовать ложкой он умел ещё плохо и весь заляпался. Клочья каши висели на его животе.

– Надень-ка фартук, леший, – сказал Хёрбе. – Смотри, как ты извозился.

– Не смеши меня, гном! – воскликнул Цвоттель. – Лешие не носят фартуков. А с кашей они расправляются по-своему.

И леший Цвоттель быстро и ловко стал слизывать с себя кашу.

Язык его так и ходил по лохматой шерсти живота и лап.

Через минуту он сидел гладенький, прилизанный и чистенький. Ни крошки каши не осталось нигде.

– Вот так-то, гном! Учись! – сказал довольный и сытый леший.

Пора и вздремнуть

Опорожнив свою тарелку, леший Цвоттель заглянул в горшок на плите. Там оставалось ещё чуть-чуть. И он быстро дочиста выскреб остатки каши.

Хёрбе подвинул ему свою тарелку.

– Не стесняйся, Цвоттель, – сказал он. – Я уже наелся.

Леший расправился и с кашей гнома. Потом с сожалением поглядел на пустые тарелки и вздохнул.

– Лешие едят больше всех на свете, – с гордостью сказал он, – не веришь? Давай побольше хлеба и брусничного варенья. Тогда увидишь, как я могу есть по-настоящему.

Хёрбе пошел в кладовку и принёс полковриги хлеба и банку варенья. В комнате стало совершенно темно. Гном снял с гвоздика фонарь. Зажёг фитиль.

Леший с любопытством наблюдал, как прыгает в фонаре язычок пламени.

– Гном, ты волшебник, – сказал он восхищённо. – У тебя есть домашнее солнце.

При свете фонаря они резали хлеб крупными ломтями и намазывали на него брусничное варенье. Цвоттель ел за двоих.

– Понимаешь, Хёрбе, – толковал он, – у леших такой большой живот, что его не так просто наполнить.

Цвоттель зевнул, потянулся. Глаза его стали слипаться. Он устал от впечатлений и от еды.

Хёрбе набил матрац мягкой травой, положил его на пол у тёплой печки, накрыл простыней. Вынул из шкафа подушку и одеяло из мышиной шерсти. Постель для лешего готова.

Всю жизнь леший провёл в лесу, спал под кустом на свежем воздухе. И вот сейчас, в первый раз, он улёгся в настоящую постель под настоящей крышей. Хёрбе заботливо укрыл его и сам нырнул под одеяло.

Но леший всё не мог заснуть. Он ворочался, кряхтел и наконец сказал:

– Эй, гном! Ты спишь?

– Что ты хочешь, Цвоттель? – откликнулся Хёрбе.

– Я, пожалуй, пойду спать на улицу, под папоротники.

– Тебе здесь плохо, леший? – расстроился Хёрбе.

– Что ты, что ты, гном, просто я ужасно храплю во сне. Боюсь, ты не сомкнёшь глаз до утра.

Хёрбе засмеялся.

– Не волнуйся, Цвоттель, что-нибудь придумаем, – сказал он и надвинул шляпу на самые уши.

– Ладно, – вздохнул леший, – но учти: если не заснёшь сегодня ночью, пеняй на себя.

– А?

– Я говорю: не заснёшь – пеняй на себя! – повысил голос леший.

– Что?

– Оглох ты, что ли? – закричал Цвоттель и, набрав в лёгкие побольше воздуху, гаркнул: – Не заснёшь – пеняй на себя!

Гном показал рукой на свою шляпу.

– Под этой шляпой, леший, я ничего не слышу. Можешь храпеть что есть мочи, – сказал он и повернулся на другой бок. Через несколько минут Хёрбе спал крепким и сладким сном.

Всем, всем, всем – доброе утро!

Ночь была на исходе. Гном мирно посапывал в своей кровати. Леший громко храпел в своём углу.

На рассвете, когда Хёрбе проснулся и по привычке сдвинул шляпу на лоб, его оглушил жуткий грохот. Он поскорей снова спрятал уши под шляпу и огляделся.

Утреннее солнышко уже заглянуло в комнату. На полу золотистыми оладышками лежали солнечные блики. В тёмном углу, куда ещё не добрались утренние лучи, храпел во всю мочь леший Цвоттель. Но теперь уже гном не слышал его ужасного храпа. Зато видел, как леший надувает щёки, вытягивает дудочкой губы и выдыхает, будто хочет погасить разом дюжину свечей. Занавески на окнах взлетали как от урагана, тарелки и горшки на полке подпрыгивали, щётки и веники на полу скакали как сумасшедшие. Ну и храп!

– Здоровый сон! – засмеялся Хёрбе. – Он так крепко спит, что даже собственный храп ему не мешает.

Он решил, пока спит леший, сбегать за водой. Взял ведро, вышел на порог и лицом к лицу столкнулся с трусишкой Лойбнером. Тут же собрались и другие соседи – Дитрих Корешок, Кайль Хромоножка, Сефф Ворчун, Старина Цимприх и Плишке Кхе-Кхе.

– Доброе утро! Что это вы собрались в такую рань, уважаемые соседи? – удивился Хёрбе.

Гномы махали руками, взволнованно перешёптывались. Хёрбе ничего не мог разобрать.

– Говорите, пожалуйста, погромче, – попросил он.

Дитрих Корешок сложил руки рупором и что-то закричал. Он просто надрывался, но Хёрбе ничего не услышал.

– Ты что, Дитрих, потерял голос?

Тут трусишка Лойбнер похлопал себя по уху. Только тогда Хёрбе вспомнил, что шляпа напялена у него по самые уши. Он сдвинул её на затылок и наконец услышал.

– Что у тебя случилось? – спрашивал Старина Цимприх.

– Кх-кх-кхе, – покашливал Плишке. – Ты почему молчишь?

Хёрбе растерянно глядел на соседей.

– Ничего не понимаю, – пожал он плечами. – С чего это вы всполошились?

– Нас позвал Лойбнер. Он первый услышал, – проворчал Сефф.

– И что же он услышал? – продолжал недоумевать Хёрбе.

– Вот это! – И Лойбнер с ужасом показал пальцем на кучу хвороста, наваленную поверх дома Хёрбе.

Хворост сотрясался, и из-под него несся ужасный храп лешего. Трусишка Лойбнер буквально обмер и прошептал:

– Так может рычать только Плампач!

– Плампач? – расхохотался Хёрбе. – Это же…

Он не успел договорить, как храп внезапно прекратился, и на пороге показался взлохмаченный леший. Он тёр глаза и зевал во весь свой лягушачий рот.

– Вот это да! – воскликнул он. – Все уже проснулись. Тогда всем, всем, всем – доброе утро!

Брусничное варенье

Дитрих Корешок, Кайль Хромоножка, Сефф Ворчун и трусишка Лойбнер уже были знакомы с лешим. Хёрбе познакомил его с остальными соседями и рассказал, как Цвоттель спас его в Дальнем лесу.

– Теперь леший Цвоттель будет жить со мной, – сказал Хёрбе. – Мы с ним друзья на всю жизнь.

– Кхе-кхе-кхе, – прокашлял Плишке, – вот оно что.

А Хёрбе улыбнулся и сказал:

– Приглашаю всех в воскресенье в гости. Будет кофе с пирожными.

Всем эта идея пришлась по вкусу. Только Сефф, по обыкновению, проворчал:

– Вам бы только веселиться. А кто работать будет?

Но на его ворчание никто и внимания не обратил. Гномы давно уже к этому привыкли.

– Решено, – сказал Старина Цимприх. – Жди нас всех в воскресенье.

– До встречи, – попрощались гномы и отправились по своим делам.

– А мы чем займемся? – спросил леший Цвоттель.

– Сначала позавтракаем, а потом сварим, пожалуй, брусничное варенье, – сказал Хёрбе и отправился в кладовку.

Они позавтракали хлебом с маслом из ягод шиповника.

Напились сладкого чаю, заваренного на сушеных листьях земляники, и принялись за дело.

Хёрбе раздул пожарче огонь в печи. Поставил на плиту горшок с брусникой и залил её сахарным сиропом.

– А дальше что? – заинтересовался Цвоттель.

– Будем варить, пока не загустеет. А чтобы не пригорело, нужно слегка помешивать.

– Лапами? – спросил леший. И уже собрался запустить свою лохматую лапку в кипящий горшок.

– Осторожно, Цвоттель! Обожжёшься! – вскричал Хёрбе.

Он достал из шкафа две длинные деревянные ложки. Повязал клетчатый фартук и Цвоттелю дал такой же.

– Когда варишь варенье, фартук необходим, – строго сказал он.

– Ну, если это нужно для варенья, лешие согласны носить фартук, – вздохнул Цвоттель.

Работа кипела. Гном стоял по одну сторону плиты, леший – по другую. Они вовсю помешивали варенье длинными ложками. Хёрбе – слева направо, Цвоттель – справа налево. Ни быстро ни медленно. И старательно.

Чтобы не сбиться с ритма, Цвоттель напевал:

Варю-варю варенье.

Ви-ву-ви-ву-варенье.

Поме-поме-помешивай,

А потом поешь его!

Варю ей-ву-варенье.

Варю на воскресенье.

Время от времени Хёрбе подбрасывал в печь дровишек. Варенье в горшке булькало, темнело и густело. По комнате разносился сладкий аромат.

– Поскорей бы это варенье сварилось, – нетерпеливо приговаривал леший. – Если оно даже наполовину такое вкусное, как и ароматное, представляю, какая будет вкуснятина!

Он смахнул левой лапой пот со лба прямо на плиту, и та угрожающе зашипела.

– Слушай, Цвоттель, – предложил Хёрбе, – давай сбегаем по очереди к ручью освежимся.

– Хорошая идея! – подхватил леший. – Только, чур, первым пойду я. А ты тут мешай за двоих.

Он положил ложку на стол и шагнул за дверь. В следующее мгновение Хёрбе услышал его испуганный вопль и бросился на помощь.

Два смельчака

Y входа в дом Цвоттель нос к носу столкнулся с чёрным как смоль страшилищем. Незнакомец был чёрным с головы до ног, даже лицо у него было чернее чёрного.

Оба они, леший и незнакомец, уставились друг на друга.

Вместо по-осеннему пёстрой весёлой шляпы, какую носят гномы, на голове у незнакомца торчало ведро. Весь он был обвешан неизвестными лешему штуками. На нём, как на новогодней ёлке, висели лестница, канат, цепь с чугунным шаром, большая лохматая кисть. И все чёрное-пречёрное. Зато глаза этого чудища так и сверкали на чёрном лице.

Цвоттель уже собрался дать стрекача, как на пороге появился Хёрбе. Он глянул на чёрного незнакомца, на струсившего лешего и расхохотался:

– Ха-ха-ха! Два смельчака! Разрешите вас, герои, познакомить. Это Цвоттель, леший из Дальнего леса, мой лучший друг. А это, – он указал на чёрного незнакомца, – Мёллер Печник.

– А почему он такой чёрный? Разве бывают чёрные гномы? – спросил Цвоттель.

– Потому что я чищу трубы, – объяснил Мёллер. – От сажи не станешь белее. Но вижу, у вас мне делать нечего.

Печка топится хорошо. Дымок так и вьётся из трубы.

– Мы варим брусничное ви-ву-варенье! – гордо объявил Цвоттель.

– Вот оно что! – покивал головой Мёллер. – Тогда я, пожалуй, гляну на печь, раз уж пришёл.

Мёллер снял с плеча лестницу, а Хёрбе хотел было ему помочь. Но Цвоттель схватил его за рукав и зашептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/proysler_otfrid/gnom-herbe-i-leshiy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити